

Я мчал к нему, подгоняемый тревогой, и вдруг поймал себя на мысли: навигатор мне не нужен. Пальцы сами вели машину. Всего пара визитов — а я уже выучил дорогу назубок.

«И что ты творишь, Ли Вону?» Стало не по себе. Я попытался отогнать лишние смыслы. Просто я хорошо ориентируюсь на местности и вожу профессионально, вот и всё. Успокоив себя этой мыслью, я припарковался на стоянке его дома и обернулся к Квон Тэшину.

Он всё ещё метался в полузабытьи, привалившись к сиденью. Лицо бескровное, на лбу выступила холодная испарина. Видно было, что ему совсем худо.

«И зачем было так надрываться? Шёл бы сразу отдыхать», — пробормотал я и позвал: «Квон Тэшин-сси, Квон Тэшин-сси». Реакции ноль. Пришлось схватить его за плечо и хорошенько встряхнуть. Он вздрогнул, с трудом разлепив веки.

— Где... мы?

— Дома. Приехали.

Он даже кресло поднять не мог, сил не было. Я не стал выходить из машины, спросил прямо: «Может, всё-таки в больницу?» Он слабо качнул головой.

— Кто ходит по врачам из-за какой-то простуды...

Бросил, что за день всё пройдёт, и вылез из машины. Я поспешил следом, подхватил его под руку и нажал кнопку лифта. В кабине я снова завел ту же пластинку:

— Вам правда стоит показаться врачу.

— Забудь. Если прижмёт, вызову личного доктора.

— А... вот оно как.

Впервые видел человека, у которого есть личный врач. Значит, доктор сам приедет прямо сюда? Ладно, больница отменяется. Мы вышли из лифта, и я замер, пока он возился с кодовым замком.

Дверь открылась, и я на секунду замялся. Хотелось просто затолкнуть его внутрь и сбежать, но его тяжелое тело ощутимо заваливалось на меня. Не мог же я бросить человека, которого тошнит от боли, одного? В итоге я снова оказался внутри дома, из которого совсем недавно улепетывал со всех ног.

При свете дня здесь всё выглядело иначе. В прошлый раз была ночь, да и уходил я на рассвете. Огромное пространство заливало послеполуденное солнце. За окном теперь не зияла чернота — виднелся ухоженный газон и густой бамбуковый лес. Высокие стебли надежно скрывали дом от соседей, создавая абсолютное уединение.

По памяти я нашел спальню Квон Тэшина. Сгрузил его на огромную кровать и выдохнул. Пока тащил эту тушу, сам взмок. Я вытер пот со лба и посмотрел на него. Тэшин свернулся калачиком, словно броненосец, отвернувшись к стене.

— Ты отлично справился, — пробормотал он, не оборачиваясь.

— Пустяки.

— Теперь уходи.

Он даже пальто не снял — просто зарылся в простыни. Затих. Вроде как спать собрался, но я не мог сдвинуться с места. Личный врач — это здорово, но вряд ли он будет сидеть у постели и менять компрессы.

Я поборол сомнения и стянул с него одеяло.

— Квон Тэшин-сси, спите сколько влезет, но сначала снимите одежду.

Он скривился: «Ты ещё здесь?» — но я был непреклонен. Дотолкал его до ванной.

— Хотя бы лицо и руки сполосните. И зубы почистите.

Пока он, пошатываясь, шел в ванную, я собрал разбросанную одежду. Побродил по дому, пока не нашел прачечную. Закинул вещи в корзину и вспомнил, какой ледяной была спальня. Нашел пульт управления, прибавил температуру. Потом раздобыл кувшин с водой и стакан — вдруг ночью захочет пить.

Вернулся в спальню, жду. Тишина. В голову полезли нехорошие мысли: а вдруг сознание потерял? Постучал в дверь. Молчок. Я осторожно толкнул дверь. Изнутри пахло густым горячим паром. Не сразу, но я его увидел.

Тэшин сидел прямо на полу душевой под струями воды. Я охнул и бросился выключать кран. Туман рассеялся. Он сидел совершенно голый, промокший до нитки. Я старался смотреть куда угодно, хоть в потолок, лишь бы не пялиться ему между ног. Схватил его под руки, пытаюсь поднять. Тяжелый, зараза, еще и мокрый.

— Нельзя... тут... спать... — кряхтел я.

Кое-как дотащил его до кровати. Обмотал полотенцем, вытер кожу, растер волосы. Теперь можно было и передохнуть.

— Фух.

Я посмотрел на него. Тэшин спал мертвецким сном. Но стоило мне собраться уходить, как его начало трясти. Видимо, горячий душ только подстегнул жар.

Тяжело вздохнув, я прибрался в ванной и пошел на кухню за льдом. Ничего похожего на грелку не нашел, так что просто набил льдом зип-пакеты и обернул их полотенцами. Тэшин дрожал так, что зубы стучали. Я насильно засунул ему лед под мышки. Он что-то бредил: «Холодно, холодно...», но при лихорадке первым делом нужно сбить температуру.

Я убрал одеяло и сосредоточился на охлаждении. Добавил лед на лоб, по бокам, между бедер. Постепенно пунцовый румянец сошел с его лица, кожа стала бледной. Потрогал лоб — температура спала. Я убрал лед и хорошенько его укутал.

За этими заботами пролетел вечер. Я спохватился и набрал сестру.

— Малышка.

— О, оппа.

— Вонхо вернулся с курсов?

— Ты чат не читал? Скоро будет.

— Слушай, у меня тут дела, задержусь. Поужинайте вдвоем. Закажите что-нибудь, если хотите.

Сестренка выдала то, чего примерной школьнице говорить не положено:

— Да не парься. Можешь вообще не приходить ночевать.

Я опешил:

— Нет, я приду. Просто...

В этот момент Тэшин беспокойно заворочался. Повернул голову, и мокрое полотенце шлепнулось на подушку.

Думал, просто позу меняет, но нет. Тэшин зашарил рукой в мою сторону, что-то шепча. Я прикрыл трубку ладонью и прислушался. Едва слышный, надтреснутый голос:

— Не уходи... не уходи...

Его ладонь соскользнула с матраса. Я подхватил её, и он тут же мертвой хваткой вцепился в мои пальцы. Притянул к груди, буквально обнимая мою руку. Я дернулся было, но он прижался щекой к моей ладони.

— Не уходи...

Лицо его было влажным от компресса. Я заставил себя сосредоточиться, бросил в трубку: «В общем, поешьте нормально», и отключился. Положил телефон и замер, ожидая, пока он успокоится, чтобы высвободиться.

Он снова провалился в сон. Наверняка утром и не вспомнит, что нес. И мой ответ не услышит. Я осторожно убрал со лба прилипшую челку, поправил полотенце и негромко произнес:

— Не уйду. Буду рядом, пока не поправитесь.

В спальне сгущались сумерки. Я включил ночник, надеясь, что он скоро пойдет на поправку.

Мягкое касание. Чьи-то пальцы перебирали мои волосы, зарываясь в них. По затылку пробежали приятные мурашки. Я вынырнул из сонного марева, постепенно осознавая реальность.

— Ли Вону, ложись на кровать.

Сон?.. Я что, спал?

Я резко открыл глаза. Оказывается, я задремал, привалившись к краю постели. В предрассветных сумерках на меня смотрел Квон Тэшин.

— А...

Он сидел, откинувшись на подушки. Я потер лицо, чувствуя, как горят щеки — наверняка наставил себе отметин, пока спал.

— Вы как?

— Жар спал. Твоими стараниями.

Он обвел взглядом комнату. Повсюду валялись пакеты с талой водой и мокрые тряпки. Бардак. Я начал торопливо собирать этот хлам.

— Слава богу, что температура спала.

Я поднялся, наводя порядок. Сказал ему надеть что-нибудь теплое и спросил, где чистые простыни.

— В соседней комнате, в шкафу.

Тэшин встал и пошел в гардеробную. Несмотря на его наготу, никакой пошлости в этом не было. Я лишь на мгновение зацепился взглядом за его задницу, когда он сбрасывал одеяло, но тут же одернул себя.

Я быстро принес свежее белье и перестелил кровать. Принес ему стакан теплой воды, когда он вышел в домашней одежде.

— Вам нужно отлежаться. Организм сильно ослаб.

Он кивнул, прихлебывая воду. За одну ночь он заметно осунулся, под глазами залегли тени. Сердце неприятно кольнуло. Как он тут будет один? Сам себе еду не приготовит, лекарства забудет...

Пока я размышлял, он поднял на меня глаза:

— Уходишь?

Не «можешь идти», а именно вопрос. Я вспомнил, как он в бреду умолял меня остаться. Как искал мою руку. Я не смог выдавить из себя «да». Если бы он правда хотел моего ухода, он бы просто попрощался.

Я глянул на часы.

— Еще рано. Побуду еще немного.

— Мог бы и пойти...

— Вы вчера всё выплюнули, надо поесть. Я воспользуюсь кухней?

Отправив его в постель, я пошел инспектировать холодильник. Ожидал увидеть там пустоту, но полки ломились от контейнеров. Куча закусок, аккуратно разложенных, как в магазине. Я так и ахнул. Искал что-то вроде миёккука, но супов не нашел. Ладно, сварю кашу.

Замочил горсть риса, поставил вариться. Выбрал несколько закусок, мелко нарезал. Поставил всё на поднос и понес в спальню. Тэшин уже снова дремал.

— Тэшин-сси, поешьте, выпейте лекарство, а потом спите.

Еда была важнее сна. Я заставил его сесть и поставил поднос ему на колени. Он сонно хлопал глазами, глядя на тарелку, и выдал:

— А с ложечки кормить не будешь?

— Что?

— Обычно в таких случаях кормят с рук.

Интересно, в каких это «таких»? Руки целы, жар спал — есть не хочу. Я уже хотел возмутиться, но он добавил:

— Если покормишь, я влюблюсь в тебя еще сильнее.

Не то чтобы я жаждал его любви, но раз уж мы договорились попробовать... Отказать было трудно. «С вами хлопот больше, чем я думал», — пробурчал я, пододвигая поднос к себе. Зачерпнул каши, добавил кусочек маринованных морепродуктов и поднес к его губам.

— А-а-а.

Он послушно открыл рот и принялся жевать, выжидательно глядя на меня, как птенец. Я не выдержал и прыснул.

— Чего смеешься? — прищурился он. — Неужели я такой милашка?

Я попытался стереть улыбку с лица.

— Взрослому мужчине не стыдно такое говорить? — осадил я его. — Просто вспомнил, как возился с младшими. У нас большая разница в возрасте, так что все болезни были на мне. Тогда я злился, что не могу пойти погулять с друзьями, а сейчас вот нахлынуло.

— Насколько большая разница?

— С братом восемь лет, с сестренкой — одиннадцать.

— Ну, не такая уж огромная пропасть.

— Почти как отец для них. Наверное, поэтому они мне дороже всех на свете.

— А родители?

— Мы долго жили порознь.

Я не стал рассказывать про отца, просадившего всё в карты, про мать, которая сбежала, или про бабушку, на руках у которой я вырос. И про то, как бросил школу, чтобы прокормить семью, — тоже. Мы еще не настолько близки. И я не уверен, что когда-нибудь смогу это произнести вслух.